

Пусть алчность твоя тебя будет вести.

Всю жизнь свою в алчности ты проводи.

Пролог

Убийца кровных родственников, Принцесса Империи, Элизабет фон Габсбург

10.04.1506г. по Имперскому календарю

Равнина Бруно, Армия Крестоносцев, Поллис

Ночь. Вслед за утихшим весенним дождём, стало прохладно. По всему лагерю медленно высыхали оставленные дождём лужи. Я заметила, что даже ночью вода сохнет хорошо.

С того дня, как я играла с Владыкой Демонов Данталианом в Чёрные и Белые Флаги, у меня появилась привычка трепетно вслушиваться в ни во что. Если вы ненароком прислушаетесь к этому ничему, то внезапно осознаете, что на самом деле, оно звучит как что-то. Это ночь. Словно сжигая моё тело, не прекращая колыхался свет горящей свечи, и, колыхаясь, он так же проливал свет на слова, что я держала в своей руке.

"10.04. Поздний вечер. В разгар родового ритуала, во вражеском лагере была проведена чистка. Хотя казалось, что должна была начаться внутренняя борьба, та была быстро пресечена. Можно предположить, что за этим стоят Владыка Демонов Барбатос и Владыка Демонов Пеймон. Круглосуточное наблюдение."

Эта записка была оторвана от большего листа бумаги, поскольку автор мог написать лишь несколько строк. Чтобы написать это, использовал кусок графита, но, учитывая какие корявые были буквы, становилось ясно, что писал он не на ровной поверхности. От этих неровно написанных слов веяло отчаянной преданностью шпиона.

Я вижу, что это секретное послание, отправленное после того, как было наспех написано. Великолепно.

Несколько ворон послушно опустили свои тела поверх моего стола. Демоническая раса спокойно относилась к воронам, беспечно не проводя попыток их выследить. Я разместила шпионов глубоко в тени мест, к которым враг относился с осмотрительностью. Я сняла ещё одну записку с лапы другого ворона и развернула перед собой.

"10.04. Вечер. Среди вражеских сил произошли беспорядки. Поскольку одни Владыки Демонов забрали жизни других Владык, вражеские силы разделились на несколько частей. В то время, пока они расколоты, смешаны и заняты отмщением, вражеский генерал, Лора де Фарнезе, играет на фортепьяно. Хаос. Из того, что можно увидеть трудно судить точнее."

- ...

Слова были аккуратными и прямыми. Этот отчёт был написан неторопливо. Я внимательно всматривалась в записку, окрашенную в жёлтый цвет продолжающей гореть свечой.

Я открыла рот и сказала своей служанке:

- Джулия.

- Да, Ваше Высочество.

- Знаешь ли ты, когда я узнала о предназначении императора?

- Как ваша покорная слуга могла осмелиться говорить о долге императора?

- Это произошло, когда я была ещё маленькой.

Главная служанка низко поклонилась. Главная служанка была такой девушкой, что тихо составит мне компанию, даже если я буду коротать время, беседуя сама с собой. Что касается этого дитя, его долгом было быть моей верной подданной.

- Вечер за вечером, каждый угол императорского дворца сиял от обилия свечей. Пока я, греясь, глядела на свечу, освещавшую угол, мне стало кое-что любопытно. Почему, если пойти посмотреть на свечи, что должны были расплавиться накануне, ты увидишь, что все они полностью восстановились и горели снова. Юная я была в совершенном восторге. "Так, они воскресают. Ах, каждую ночь, свечи воскресают, чтобы, к новой ночи светить вновь".

Разворачивая новости, что приносили вороны из разных мест по одной записке за раз, я продолжила свой рассказ.

- Я считала это доказательством нисхождения Господа. В благоговейном изумлении, будь то мой старший брат или наставник, я рассказала об этом всем. Нечестивые собратья стали спорить, крича, что Бога нет, но это были просто глупое мычание людей, живших лишь при свете дня. Бог - очень застенчивая особа, поэтому он странствует по замку лишь ночью.

- ...

- Никто мне не верил. Наоборот, они насмехались надо мной.

Поэтому, я решила подтвердить это.

- Была ночь.

Я ускользнула из своей спальни и спряталась в коридоре, где расплавилось много свечей. Моё сердце колотилось при мысли от того, что я собираюсь засвидетельствовать видение Господа, блуждающего в ночи.

- Даже слуги отправились спать, так что, в дворцовой тиши, звук поступи стражи, кашель старого солдата, и шелест ветра, эти отзвуки оставались тихими, как если бы они действительно были ничем.

Это произошло, когда я была ещё маленькой.

Звук поступи стражи были просто шумом шагов в залах, а кашель был шумом, зловеще сотрясавшим воздух. Шелест ветра был звуком напрасно потраченного времени. Мне ещё предстояло научиться внимательно вслушиваться в эти ничто. В тот период, когда почти всё было ничем, моё сердце яростно колотилось от мысли того, что я увижу Бога, и, в это время, весь мир играл вариациями мелодии, исходившей из моего бьющегося сердца.

Как долго мне должно было ждать?

– Кто-то приблизился к освещённому свечами коридору. Поступь была слишком обычной, чтобы её можно было назвать поступью Бога. Его фигура была так же слишком жалким, чтобы быть внешним видом Бога. Несмотря на это, пока человек не приблизился к свечам, я всё же верила, что это Бог. Я просто решила, что Бог достаточно благороден, чтобы чувствовать себя комфортно даже с простыми или жалкими вещами. Вскоре после того, как я увидела, как Бог погасил умирающую свечу, заменил её новой и зажгёт её, я пришла к осознанию того...что это не Бог.

Это был просто слуга.

Это был просто жалкий человек.

Не успела я опомниться, как размышляла над прошлым с закрытыми глазами.

– Джулия. Та ночь была довольно скучной. Тем, что я увидела оказался обычный и жалкий слуга на ночном дежурстве, но то что я сделала было догадкой большей, чем нечто, что можно увидеть. Свечи не воскресали. Их попросту заменяли.

– ...

– Раз свечи каждый день меняли, становилось ясно, что был кто-то, кто делал каждый день эти свечи. Раз был кто-то, кто зарабатывал себе на жизнь, каждый день делая свечи, бесспорно было и то, что был кто-то, кто выращивал, собирал и передавал создателю свечей его еду.

Мне не было известно, что эти подданные, эти профессии были основной частью королевских земель. Я никогда не видела ремесленника, который зарабатывал себе на жизнь, делая свечи. Я никогда не видела фермеров и никогда не видела кузнецов, оснащавших этих фермеров их инвентарём. Однако, поскольку свеча была заменена прямо перед моими глазами и сверкала так ярко...подобно тому, как этот горящий свет свечи был ясен и бесспорен, так и подданные, которых я не могла видеть своими глазами были ясными и бесспорными.

Люди существовали.

С того момента, весь мир сиял как свет в моих глазах.

Люди были соединены друг с другом через пламя.

О том, как называется этот ясный и очевидный горящий свет свечи, я узнала лишь позже.

– Понимаешь ли ты, Джулия?

– ...

– В тот день, я потеряла Господа и обрела народ.

Я раскрыла глаза.

Открыв глаза, я повернулась, чтобы посмотреть на служанок.

– Правительница, которой вы служите не верит в воскресение Господа. Я не верую. Если бы у меня должно было быть учение, то это было бы просто учение о свете свечей. Моё вероучение было бы о свечах, постоянно и без конца защищающих ночь. Глядя в свечи, издали разгадываю и понимаю людей. Вы все думаете, что я богохульна?

Джулия опустилась на колени, а остальные служанки последовали её примеру.

– Мы, смиренные слуги, всегда в благоговении от Вашего Высочества.

– Хотя, будучи императором, у меня есть много обязанностей, как только ты предположишь большее, чем то, что можно увидеть, иначе говоря, когда это может наконец быть установлено. Я спрошу вас. Верите ли вы в мои взгляды?

– Прошу, командуйте нами. Мы исполним ваш приказ.

Я кивнула.

– Вызовите командиров. Поскольку сейчас уже ночь, вам придётся осторожно разбудить их. Если они спросят, зачем их зовут, скажите им, чтоб принесли оружие. Если они будут спрашивать и дальше, скажите им, что Принцесса Империи запретила вам отвечать на другие вопросы.

– Должны ли мы вызвать их всех?

– Да.

Командиры собрались к моменту, когда свеча прогорела на половину ладони. Ночь была прохладной, поскольку весенний дождь отступил. Поскольку они не знали причины, собравшей их здесь среди ночи, их губы были сухими. Я скомандовала:

– Я слышала, что среди наших войск распространяется нехороший буклет. Говорят, что речь вражеского генерала была скопирована и передана простым солдатам, вращая в их умах предательские мысли. Если эти предательские мысли будут расти, то разве не станут они в конечном счёте восстанием? Говорят, что нация – это гигантское дерево, корни которого расположены в людских сердцах. Вам всем не кажется, что корни станут твёрдыми, если вы удалите сорняк прежде, чем тот вызовет коррозию? Командиры, слушайте мою команду.

– Да, Ваше Высочество.

– По причине моей заботы об этих корнях, приказываю вам. Я позволю всем вам сегодня отлучиться. Используйте подчинённых, которые по вашему мнению заслуживают доверия и обыщите каждую палатку. Выверните их наизнанку. Если внутри вы найдёте один из этих буклетов, казните каждого солдата, приписанного к этой палатке. Забирая их жизни, не поднимайте шума. Вы не должны позволять фермерам бессмысленно петь, когда вы пропалываете сорняки. Убейте их.

Командиры склонили свои тела к земле.

– Всех их?

– Всех.

Это была ночь.

По всему лагерю тут и там вспыхивали огни, освещая тёмную ночь. В каждую лужу, оставленную позади весенним дождём погрузился обезглавленный труп.

Солдат, пытавшийся поднять голос, чтобы заявить, что он невиновен был обезглавлен в середине своего заявления. Его голова пала в грязь, и грязная вода стала вливаться в его зияющую пасть. Уровень воды в луже уменьшался в соответствии с количеством воды, проглоченной ртом трупа. Таким образом, лужи вокруг полностью высохли.

Я заметила, что даже ночью вода сохнет хорошо.

О Всевышняя Богиня, что живёт в чистейшем из небес, пожалуйста, не отворачивайся от сих грешных детей, пусть они и прибыли к твоему порогу, а просто присмотри за ними с милосердием и терпимостью. Мы похороним их земные тела, так что, о Всевышняя Богиня, пожалуйста, заberi их небесные души. Хотя мы знаем, как хоронить мёртвых, мы не знаем, как хоронить их души, посему мы лишь можем поднять свои очи к тебе вверх, о Всевышняя Богиня, и надеяться на твою мудрость...

Жрецы, бродя по лагерю, воспевали гимны. Поскольку святой, утверждавший, что он был из Храма Артемиды, воспевал Гимн Усопших за Веру, командиры безучастно покинули группу апостолов. Как и ожидалось, у меня не было причин препятствовать сердцам жрецов, желавшим успокоить души своим гимном.

Я передала записку, написанную вторым шпионом моей главной служанке.

- Джулия. Человек, написавший это - изменник, вставший на сторону демонов.

- Простите, что?

- Если день прошел в таком хаосе, как он смог найти время, чтобы записать свои слова так ровно и аккуратно? Возникли беспорядки, и он был должен быть так же вовлечён в эти беспорядки, но как ты видишь, он доносил на людей над ним и обладал временем, достаточным, чтобы неспеша написать свой отчёт. Приставьте к нему отдельного шпиона. Убейте его прежде, чем пройдёт полмесяца.

- ...

Служанка склонила голову.

- Как прикажете.

Я повернула голову и посмотрела по другую сторону равнины Бруно. Была глубокая ночь, так что вражеский лагерь нельзя было увидеть. Хотя увидеть лагерь было нельзя, единственное что можно было смутно увидеть под лунным светом, было башней человеческих черепов, которую демоны сложили навстречу небу.

Лора Фарнезе, должно быть, выступает там. Я вижу, что дитя, которое было ничем, после того как его принял Данталиан, всё же стало чем-то. Таким образом, дитя выступало для

Данталиана, претворившего его во что-то.

В конце концов, может ли это быть прекрасным?

Даже жизнь, что полностью зависит от кого-то другого.

...

Даже так.

Слушая звук пламени, текущего в ночи, я размышляла над этой мыслью.

<http://tl.rulate.ru/book/378/178905>